

взаимоотношения войдут новые правила со старыми привычками, зависит судьба.

Нынешнему Екатеринбургскому, а в прошлом — Свердловскому театру юного зрителя, последние пятнадцать лет везет на сильную режиссуру. Спектакли Владимира Рубанова, Дмитрия Астрахана, Анатолия Праудина создали театру устойчивую солидную репутацию. Впрочем, наследство каждого из них не позволяло наследникам жить только на проценты. Они, по правде говоря, и не стремились стать рантье (а те, кто пытался, вскоре шел по миру), предпочитая накапливать собственные состояния. Провинциальная театральная почва без подпитки высыхает быстро.

Первый спектакль нового главного режиссера Георгия Цхвиравы — «Разбойник» К. Чапека — по общему признанию, не получился, из репертуара вскоре исчез без следа. Но последовавшая затем чеховская «Чайка» утвердила за Цхвиравой права творческого лидера театра. Отмеченный какой-то особой свежестью, элегантно и трогательно, спектакль с успехом был показан в Москве и на севастопольском фестивале «Херсонесские игры». (Об этой постановке «ЭиС» писала не раз.)

Головную боль у администрации любого тюза вызывает раздел репертуара, называемый «сказкой». После «Чайки» Цхвирава поставил «Колобка». Пьесу по мотивам русских народных сказок написала Наталья Скорород. Но едва ли взрослым на спектакле менее интересно, чем детям.

Когда из дальней кулисы выскакивает, подгоняемый старухой, сухонький, но крепкий лысоватый мужичок и, подпрыгивая и покрикивая, бежит к зрителям, дети в зале, до поры до времени сидевшие тихо, оживляются. Они понимают, что это и есть тот самый колобок, которого привыкли видеть в ярких книжках румяным шариком с лучезарной улыбкой. Для героев же сказки появление

После «Чайки»

колобка — реальный шанс не умереть с голоду. И звери, и люди в спектакле Цхвиравы давно живут в сумраке всеобщего запустения и одичания.

Смахивающие на божьей Волк, Лиса, Медведь и Заяц уже готовы съесть друг друга и выдумывают все новые и новые способы определения, кому первым идти на прокорм остальным. То выясняют, кто из них старше, то — у кого имя лучше. Голод обостряет их нюх.

Люди же — в оцепенении. Мужик устроился на вершине высокого столба и «думу думает», а баба сидит, сгорбившись и сложа руки. Есть нечего. В конце концов, поскреба по сусекам, она из последней муки выпекает колобок. Но сама потом и прогоняет его прочь из избы: боится нарушить сложившееся даже в этих жалких условиях равновесие мира, боится, что если мужик слезет со столба и, подкрепившись, пойдет на охоту, будет еще хуже. Изгнанного колобка, который оказывается книжником, философом и хитроном, наперебой пытаются скушать звери.

Но колобок умеет то, что не дано ни людям, ни зверям. Колобок умеет летать.

Утолить голод или испытать радость свободного полета?

Жанр этой пьесы — лукавая притча. Цхвирава поставил спектакль про два возможных способа жизни в исключительных обстоятельствах. Когда выбирать приходится между полным желудком и способностью к полету. Что такое колобок? Это как посмотреть: для одного — еда, кусок хлеба, для другого — духовная основа, нечто изначально данное и проеданию не подлежащее. Выражаясь по-ученому — архетип.

В «Чайке» режиссеру удалось блестяще соединить психологический объем с изобретательностью, тонкую игру атмосферы — с иронией, достоверность — с эксцентрикой. В двух следующих постановках ему, как представляется, показалось интересным до некоторой степени разделить эти задачи, исследовать их в отдельности. Тем более, что многие артисты у Цхвиравы переходят из спектакля в спектакль.

Острота и лаконизм притчи не помешали, между тем, показать в «Колобке» чисто человеческую историю. И актерам удалось почувствовать особый внутренний рисунок спектакля.

«Трамвай «Желание» Уильямса в Екатеринбургском тюзе сыграли трезво и жестко. Трамвайчик, дребезжащий по переулкам Нового Орлеана, оказался

начисто лишенным какого-либо романтического, мечтательного ореола. Бланш Дюбуа попадает не просто на убогую, но не лишенную некоторого обаяния, окраину; ей предстоит спуститься в подземелье.

Спектакль играют там, куда зрителям обычно вход заказан: в «трюме» под сценой. Холодный кафельный пол, нависшие перекрытия и металлические конструкции. Дневной свет отдельными пятнами проникает с улицы, сверху, от туда же по лесенкам спускаются персонажи. Здесь никто не стремится изобразить Америку, да и обстановка в жилище Ковальских взята художником Анатолием Шубиным из нашего коммунального быта. Чувственность героев как бы придушена, придавлена условиями их существования; схватка между ними от этого не смягчается, но переносится в иной регистр, в иную систему взаимоотношений.

В момент эмоциональной кульминации поворотный круг с тяжелым гулом и грохотом проезжает над головами. Слово перемалывающий все без разбора жернов. Трамвай — массивный механизм, как каток, проезжающий по людям. Этот прием — единственное, что сделал в спектакле режиссер без помощи актеров. Остальное — сложную, до интонации, до взгляда, до жеста рассчитанную нить действия, — он передал им. В лучшие минуты они играют так, что перехватывает дыхание.

Три хороших спектакля — уже капитал, по нашим временам — целое богатство. Идти с протянутой рукой не придется.

Сейчас Цхвирава опять репетирует сказку. «Зимнюю сказку» Шекспира.

Роман ДОЛЖАНСКИЙ.

ТЕАТР ИЩЕТ ТЕАТР
Экран и сцена. — 1993. —
21-28 окт (№42) — с. 6

ОБЖИВАТЬ дом, не тобой построенный, где к тому же продолжают жить прежние обитатели, всегда нелегко. Особенно если этот дом — театр, а ты — режиссер: в законы профессии, в условия успеха входит обязанность приходить в чужой монастырь со своим художественным уставом. От того, в какие